

Глава 1

Я могла сорваться в любую секунду. Все началось с соседки по купе, престарелой бабули. Целый вечер и ночь старушка разбирала сумки и собирала обратно, шурша пакетами на весь наш хвостовой вагон. От этого раздражающего звука не спасали даже силиконовые беруши, которые на перроне мой батенька пихнул в карман рюкзака.

Первое время я пыталась слушать музыку, пока левый наушник не отошел в мир иной, оставив меня наедине с адской симфонией. Надеюсь, сборщику-китайцу было хуже, чем мне. Намного, намного хуже: пусть остаток пути я в миллионный раз наблюдала перестановку стеклянных банок с места на место, ленивый рабочий наверняка мучился от икоты. Однако мои приключения не закончились.

Как только проводница отобрала у нас с бабулей комплект белья, я принялась названивать парню, чью квартиру должна арендовать с этого дня. И вроде все замечательно складывалось: до заснеженного города, который

только-только встретил Новый год, еще двадцать минут, но... Этот парень пропал.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

Да знаю, знаю, можно не говорить. Я сразу все поняла, хотя продолжала набирать один и тот же номер, надеясь, что парень усовестится и включит телефон. Не хотелось верить, что меня, такую умницу, кинули на деньги.

— Полин, обалдела? Время видела?

Хоть Виталик трубку взял! Сонный, правда, да и злой немного, но это все же лучше, чем монотонный компьютерный голос.

— Подъем! Витамин, я до твоего друга дозвониться не могу.

— Какого еще друга? — скрип кровати, а затем громкий зевок. — Черт, девять утра! Немцова, ты полностью соответствуешь своей фамилии.

— Самого гадкого. — Не обращаю внимания на его ворчание и продолжаю: — А если у тебя все друзья такие, то уточню: тот, кому я вчера перевела деньги за квартиру и который должен был встретить меня на вокзале. Где он?

— Без понятия.

— В смысле?

— В коромысле, Немцова. Я за ним слежу, что ли?

Стоя посреди вокзальной площади с сумкой в руке, я вдруг вспомнила, как в детстве этот самый Витамин со слезами просил меня убрать с его головы мышку. Вспом-

нила — и немного отпустило. По крайней мере, пропало желание убить эту Спящую Красавицу, которая в такой напряженный момент решила показать зубки.

— Должен следить. Кто мне его номер дал? Кто говорил, что у него друган есть, который квартиру сдавать собрался? Витал, я только из-за тебя ему деньги заранее скинула, хотя в курсе, сколько разводов вокруг случается. Так что да, должен был следить, поэтому просыпайся и найди мне этого кидока.

Слушая оправдания друга детства и по совместительству одноклассника, иду в сторону скамейки, на которую так и хочется плюхнуться и вздремнуть. С шумом усаживаюсь, вытягиваю ноги, облегченно выдыхаю — картина «Отдохнула Полина в дорожном купе». Меня будто мусоровоз переехал: снова привет бабушкиным пакетикам за эти незабываемые ощущения.

— А вообще, другом я его не называл.

— Тебя только это в моих словах смутило?

Эх, а как же здорово было несколько дней назад, как я прыгала от счастья, потому что не придется возвращаться в общежитие и можно будет спать в тишине, а не под ор пьяных студентов, которых молодой комендант пропускал в здание за бутылку! Рано птичка чирикать начала: отравила деньги — и, кажется, осталась без них и без квартиры. Можно, конечно, надеяться и ждать, что знакомый Витамина ответит на входящий звонок, только вот, к сожалению, в чудеса я перестала верить еще тогда,

когда в костюме Деда Мороза узнала свою бабушку. С тех пор ни-ни. Я и волшебная сила ходим разными дорогами, стараясь не пересекаться.

— Поль, ну ко мне тогда заселяйся. Парни подработку нашли, их дома не бывает толком, а у меня комната большая, вдвоем поместимся.

— То есть ты уверен, что этот парень меня кинул и можно сразу забыть про квартиру и деньги?

— Наверно... Да. Нет. Полин...

— Спасибо тебе, Виталичка, за помощь. Век благодарна буду.

Сбрасываю, пока не выместила на нем всю злость. Я оглянулась и, не увидев никаких подозрительных типов, решила на секунду прикрыть глаза и забыть обо всем. Отключиться от реальности, а потом резко встать и поехать к подруге Аньке, чтобы понуть в ее хрупкое плечо и попроситься на ночевку. Да-да. Именно так я и сделаю, только сначала мне нужно выдохнуть.

Я только собралась открыть глаза, как почувствовала, что надо мной кто-то встал. Резкий запах женских духов подействовал лучше нашатыря: я подскочила — и врезалась в девушку, которая тут же завизжала.

— Ай! Ты мне сапоги замшевые испортила, идиотка!

Наверное, ее предок — Соловей-разбойник. Вскоре свист перешел в визг, от которого руки потянулись к ушам.

— Прости, я не специально. Ты так неожиданно появилась, — рассеянно говорю ей, считая, что на этом конфликт исчерпан. Соловухе моих извинений, как оказалось, было недостаточно.

— Неожиданно? Да я десять минут над тобой стою, жду, когда ты проснешься и свалишь отсюда! Развалилась на единственной лавочке, а мне сумку поставить некуда. Короче, бомжуй от меня подальше, ненормальная! — Нахалка закинула ногу на мое недавнее место отдыха и тщательно протерла салфеткой абсолютно чистый сапог.

Что? Она за задремавшим человеком подглядывает, а ненормальная я? Идеальная логика. Всегда считала, что рыжие немного на своей волне.

— Раз видишь, что место занято, значит, надо найти другое, а не стоять над человеком.

Настроение и так ни к черту, так еще приходится общаться с этой пародией на Сансу Старк. Она даже косу в ее стиле заплела. Неудачный косплей, честное слово.

Что за день сегодня?

Мой неконтролируемый зевок еще больше разозлил рыжую, и она, тяжело задышав, снова открывает рот:

— Назар! Назар, ты слышал? Эта дура мне еще и хамит.

Уж не знаю, к кому она там обращается, но за дуру ей точно придется ответить. Сейчас как задаваю ее сто тридцатой статьей Уголовного кодекса, где говорится об оскорблении личности: я еще в школе его выучила, когда решила, что стану судебной эксперткой — как раз подходящий момент блеснуть знаниями.

Глава 2

— Статья двадцать, точка один КоАП РФ. «Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества».

Зубрилка во мне ликует: я даже не запнулась, когда декламировала на весь вокзал давно заученную фразу.

— Че?

Так хотелось ответить в рифму, да жалко рыженькую: судя по выражению лица, у нее и так мозг расплавился от потока неизвестных слов.

— Ногу убери и не разговаривай. За мелкое хулиганство пятнадцать суток, между прочим: вряд ли тебе в обезьяннике понравится, дорогуша.

С обезьянником перегнула, зато какой эффект! Нет, конечно, я не всегда такая противная, но сами понимаете — ситуация заставляет. В отличном настроении я бы промолчала, да и на грубость обычно не реагирую, однако со мной впервые разговаривают в таком тоне. Будет

о чем вспомнить: восемнадцать лет прожила, а на меня еще никто толком и не наезжал. Непорядок. Кстати, кажется, что новые ощущения испытывала не только я: красотка на шпильках недоуменно смотрит на меня, будто кашу в голове разгребает, пытаюсь сообразить, что к чему.

Наверно, я слишком заметно улыбнулась — рано было праздновать триумф: дорогуша не в шоке была, она перезагружалась.

— Что ты мне сказала? — взрывается она. Эй, на дорогушу обиделась, что ли? Так я не со зла, наоборот, ласково обратилась. Не понравилось, наверно: вон как дымится, еще чуть-чуть — и давление подскочит. — Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? Представить можешь, что я с тобой сделаю одним щелчком пальцев? Пылинки не останется.

— Могу, — качаю головой, понимая, к чему она клонит. — Но это уже другая статья. Сто девятнадцатая, если не ошибаюсь. Угроза причинением тяжкого вреда здоровью. Года на два придется забыть о маникюре и инстаграме.

На слове «инстаграм» она притихла. Поражаюсь таким людям — мать продадут за один мегабайт скоростного интернета. Ну или замолчать могут. Двадцать первый век, что с нас взять?

— Любань, вот эт тебе не повезло. — За спиной слышу мужской голос и резко оборачиваюсь. — На два года небо в клеточку. А я ведь не дождусь. Я себя знаю.

— Не называй меня так! — Теперь уже я с открытым ртом смотрю на Любашку, которая с обворожительной улыбкой на лице взглядом расчленяет парня. — Я Любовь. Назар, ну просила же. Забыл?

А он-то здесь откуда?

— Любаня тебе больше подходит, Любовь. — И смотрит в мою сторону как удав. Прищуривается, будто готовясь в любой момент сожрать, улыбается. — Из-за меня грызетесь? Это правильно. Меня на всех не хватит, вот и пусть победит сильнейшая.

Я спокойна. Я спокойна. Я спокойна.

— Ты вообще кто такой? — Я НЕ спокойна. И к тому же вру.

Конечно, я знаю Суханова — кто этого красавчика не знает? Назара знают все, в первый учебный день все девочки нашей группы только о нем и говорили. И его друге, но Корнеев недавно женился, поэтому сладким кусочком стал этот блондинчик. Высокий, красивый, улыбчивый, будто каждую минуту в лотерею выигрывает. А как он губы прикусывает, ух! Держите меня семеро. Сама на него засматривалась. Первую неделю, правда, потом, к счастью, одумалась.

— Вот после того, как вы на меня так посмотрели, мечтаю стать невидимкой.

Мне показалось или я действительно услышала смешок в его голосе? Так еще и на «вы» обратился. Эх, Назар, Назар. Не узнал во мне свою недельную воздыхательницу. Клянусь, даже обидно немного стало.

— Вот и становись невидимым. — Ляпнула от обиды. Вроде он понял, что я не со зла.

— Зай, ты слышал? Она и тебе хамит.

Пффф. Хамит! Взбрыкнула немного, с кем не бывает? Слова не скажи — сразу в отряд хамок записывают, а кого-то заями называют. Вот и где справедливость? А вообще, мне в общежитие захотелось: уж лучше с комендантом спорить, чем вот здесь стоять.

— Любань, ты меня к своим делам не приплетай — тебе два года сидеть. Мне не хочется как соучастнику следом идти и тем более враждовать с будущими блюстителями закона.

Мужчины. Чуть что — так заднюю дают. Но раз его ответ так разозлил рыжую, то мне он уже нравится. Ответ, а не Суханов.

— С судебной эксперткой. Будущей, — быстренько поправляю.

Суханов удивленно смотрит на меня, приподняв брови. Наверное, по мне видно, что я пожалела о сказанном, потому что он... Он, не отводя взгляда, прикусил нижнюю губу.

— Тем более с судебной эксперткой. Люб, а тебе на поезд не пора? Время уже.

— Эта идиотка меня отвлекла. Развалилась здесь, а я...

Вот тут я с тобой, милочка, не соглашусь: до идиотки мне точно дальше, чем тебе. Как вообще можно так наезжать на незнакомых людей? Значит, на Назара она щенячьими глазками смотрит, а меня до сих пор оскорбляет.

— А тебе бежать надо. Скрываться, пока не поздно. Любань, давай быстрее. Ты уже тут на четыре года наговорила. Спасайся. На поезд. Успеешь скрыться где-нибудь под Костромой в глухой деревне.

Она замерла в недоумении, но все равно подхватила сумку. Суханов осторожно прошел мимо меня, на секунду приостановился и подмигнул. Ух ты, чуть слюну не пустила. Вот это глаза, а губы вблизи кажутся еще красивее. Захотелось к ним прикоснуться. Стоп. Куда это меня понесло?

— Еще увидимся.

Ой, это он мне.

— Конечно увидимся.

Я сказала? Зачем? Кто меня просил?

Если Назар и удивился, то виду не подал. И хорошо, а то стоять бы мне и краснеть. Это я его знаю, а он не в курсе, что мы в одном университете учимся.

Фух. Ушли!

Мне самой пора бежать, и так задержалась. К Аньке надо, да и с квартирой стоит разобраться. Попробовать, по крайней мере. Достая телефон... Я почти сорок минут проспала на лавочке! Если родители узнают — прибьют, а друзья на всю жизнь запомнят и ржать будут.

Вот это мороз! Укутываюсь в вязаный шарф, заглядываю за остановку, мечтая разглядеть нужный автобус. Кажется, его давно нет — вон какая толпа собралась. Я и на месте попрыгать успела, и потанцевать, делая шаги вперед-назад. Мои таланты не оценили — люди начали на

меня коситься. Пришлось отойти, пока пальцем у виска не покрутили. И сразу увидела Суханова, который шел к своей машине. И не холодно ему с расстегнутой курткой ходить, да и без шапки? Один. Наверное, Любаня уже укатила. Вот бы ей бабуля моя с пакетиками попутчицей попалась! А что? Шикарная месть за идиотку.

Почему именно Любаням достаются такие парни? Почему красавчики только на них и смотрят? Хотя о чем я? Меня это не должно волновать. Если надо, и ко мне парни в очередь выстроятся, Суханов в первых рядах стоять будет, просто сейчас я этого не хочу. Даже легче стало. Вот и автобус — на нем и поеду, а мысли о Назаре останутся здесь, на этой остановке. Точно. Никогда больше о нем не вспомню.

Глава 3

— Ужас, никому доверять нельзя! — говорит Анютка, закидывая в кружку с чаем лимонную дольку.

— Я пока в автобусе ехала, тысячу раз этот номер набирала. Он как был недоступен, так и остался.

Подруга вздыхает и ставит возле меня кружку, которую я тут же обхватываю озябшими ладонями. На кухне прохладно, и, хотя Аня включила газовую конфорку, это не помогло. В автобусе тоже было холодно, а пока я шла к подруге дворами — все сугробы собрала по пути.

Несколько недель назад мы на этой кухне готовились к экзаменам. Было беззаботно и весело, тогда никто и не знал, что за день до последнего зачета я съеду из общеджития. Даже не съеду — сбегу посреди ночи, не боясь остаться одной на улице. Тогда мне было все равно, куда уйти, лишь бы подальше от разбушевавшихся студентов, которые устроили драку на моем этаже. Чуть дверь нам с соседкой не выбили. Мы перепугались, а когда снаружи все стихло — сразу побежали к коменданту, который и слушать нас не стал. Оно и понятно: половина парней здесь не жили и за вход заплатили бутылкой. Комендант

уже был под градусом. Наорал на нас за то, что побеспокоили его, а потом сдал пьяным гадам: встал у нашей двери и закричал, что в этой комнате недовольные живут.

Мы мгновенно стали всем врагами: нас так честили за дверью — мама не горюй. Некоторые забыли, как прибежали в нашу комнату за продуктами, как мы с Дианкой помогали им с рефератами. Забыли — и продолжали ломать дверную ручку: пьяным лишь дай повод силу показать.

— И что делать теперь? — Подруга машет ладонью, выводя меня из мира воспоминаний. Кидаю в кружку два кусочка сахара и энергично размешиваю, не зная, что и ответить на ее вопрос. — Слышала, коменданта нового поставили.

— Серьезно? — Я удивилась: ведь на днях у Витала об этом спрашивала, а он ничего не сказал. — Кто там теперь? — Встала со стула и подошла погреться к плите.

— Бабуля какая-то. Я к Дианке за конспектом ходила, так она меня пропускать не хотела. Пришлось Булатовой спускаться, чтобы тетрадь отдать. Там реальный Цербер в очках сидит. Говорят, она сама того алкаша выгнала: к внуку приехала в гости — а там этот, в его обычном состоянии. Ну она и пошла в универ разбираться. В итоге осталась.

— Наконец-то! Хоть кто-то его выгнал, а то что ни проверка — он как стеклышко, и не придраться. Стоило одному остаться — и все...